

СТРАНА В ПЕРИОД КИЗИСА

Газета «Аргументы и факты – Тбилиси» – Июнь, № 26, 2009

С экранов телевизоров от представителей власти нам часто приходится слышать, что проходящие акции протеста отрицательно сказываются на экономическом положении в стране. Мнением о том, какова сегодня ситуация в этой области на самом деле мы попросили поделиться известного эксперта, доктора экономических наук, профессора Владимира Папава.

– Владимир Георгиевич, акция с требованием отставки президента Грузии продолжается уже два с половиной месяца. И это, видимо, действительно, не может не влиять на состояние во всех сферах, в том числе, и в экономике. Во власти утверждают, что протест идет во вред стране, тормозит ее развитие. Насколько можно согласиться с такой оценкой.

– Всякое протестное движение всегда и везде оказывало и оказывает отрицательное влияние на экономику. Тут мы ничем особенно не отличаемся от любой страны. Но давайте взглянем на вопрос с другой стороны. Акции протеста начались и продолжаются не по прихоти каких-то людей, тех или иных лидеров оппозиции, а потому, что протестный настрой появился в обществе. Люди выражают протест, в частности, в связи с громкими убийствами молодых людей и сложившейся в общественном сознании уверенностью в том, что наказание за них понесли не те, и не в той мере и форме, как это должно было бы произойти. Протест выражают из-за нарушений основных прав и свобод человека, которые происходят на каждом шагу, из-за того, что квалифицированные специалисты были освобождены от работы, что многие люди далеко не пенсионного возраста оказались никому не нужны. Граждане протестуют против попрания права на неприкосновенность собственности, против того, что произошло со зданиями Академии физкультуры и спорта, Союза писателей, с жилым домом на улице Табукашвили, многими другими объектами, и в столице, и в районах. Протест вызван и тем, что творится сегодня в грузинской науке, культуре, что

принесла т.н. реформа системы образования... Не говоря о результатах военной агрессии России в августе 2008 года.

С учетом всего этого и многого другого можно сказать, что волна протеста явилась результатом общего ощущения творящейся в Грузии несправедливости, которую не без оснований связывают с действиями власти, ее неспособностью управлять страной. Как и в других областях, ошибки власти в полной мере проявлялись и проявляются в экономике. Так что, если негативное воздействие протестных акций на экономику сомнений не вызывает, то так же верно и то, что экономический (и не только) курс, проводимый сегодня властью, неправилен, и к процветанию страны не приведет.

– Тем не менее, сегодня, в период мирового финансового и экономического кризиса, сильно ударившего по гораздо более устойчивым, чем наша, экономикам, качество жизни людей в Грузии, по моим наблюдениям, изменилось не так уж сильно. То есть, люди и до кризиса жили не очень хорошо. Но во время кризиса они стали жить не намного хуже.

– Это не совсем так. Многие ощутили на себе кризис в полной мере, потеряв работу из-за волны сокращений, которая прошла в стране в связи с закрытием ряда предприятий. Пострадали также люди, взявшие банковские кредиты и не имеющие сегодня возможности их вернуть. То есть, впечатление, будто кризис совсем уж обошел нас стороной, не совсем верное. Но, конечно, мы сегодня находимся далеко не в таком плачевном положении, в каком могли бы оказаться.

Объяснение очень простое. Война с Россией, которую мы пережили в августе прошлого года, имела для Грузии одно положительное последствие. Международное сообщество выделило стране помощь в размере 4,55 миллиардов долларов. Из них два миллиарда – это гранты. Пока помощь поступает, руководство страны будет иметь возможность как-то поддерживать экономику.

Конечно, было бы гораздо лучше, если бы мы избежали вооруженного противостояния. Война принесла человеческие потери, большой экологический ущерб, разрушенную инфраструктуру, новый поток вынужденно перемещенного населения, отбросила далеко назад перспективу урегулирования конфликтов. Все это, конечно, не возместит никакая помощь. Но приходится признать и то, что, не будь этой войны, у

Грузии не было бы такой финансовой поддержки со стороны международного сообщества, особенно, в разгар мирового экономического кризиса. Именно эту двоякую сторону войны я называю *«экономическим парадоксом войны»*.

– В СМИ проходили довольно противоречивые сообщения относительно положения дел в банковской сфере Грузии, которую долго принято было считать успешно развивающейся. С чем они были связаны и какова реальная ситуация в этой области?

– В последние годы, до начала мирового экономического кризиса, грузинские коммерческие банки получили доступ к дешевым кредитам на европейских финансовых рынках. Они начали брать их и размещать в экономику Грузии под более высокие процентные ставки. Срок выплаты этих кредитов истек в марте текущего года. В силу многих объективных и субъективных причин, самостоятельно расплатиться с долгами, составлявшими, в общей сложности, полмиллиарда долларов, банки были не в состоянии. В силу этого, над ними нависла довольно серьезная угроза банковского кризиса. Часть поступившей международной помощи непосредственно было предоставлена банкам в размере более 700 миллионов долларов. Этим средств хватило, чтобы выплатить задолженность по кредитам, и, кроме того, создать новый кредитный ресурс.

– То есть, банки в Грузии сегодня стабильны и надежны?

– Банковский сектор в целом продолжает работать и, по крайней мере, в ближайшее время серьезных трудностей там не предвидится. Что же касается отдельных конкретных банков, дела в них обстоят по-разному. Какие-то проблемы есть у всех. У тех банков, которые выдавали кредиты строительным компаниям, или населению на покупку потребительских товаров, проблем больше. У тех, кто меньше этим занимался, дела обстоят лучше.

– Строительный бизнес в период кризиса вообще оказался одним из наиболее уязвимых...

– Тут дело не только в кризисе. Ведь как развивалась эта отрасль, когда в Грузии говорили о строительном буме? Допустим, компания взяла кредит и начала строить 12-этажный дом. Квартиры на последнем этаже нередко бывали проданными еще до того, как вырывался фундамент. А когда строители доходили, скажем, до 9-го этажа, оказывалось, что денег на то, чтобы закончить работу, у компании уже нет. Почему? Из-за неверных расчетов, ошибок менеджмента, в силу изменившихся реалий, которые компания не сумела предвидеть. Чтобы выполнить свои обязательства, она бывала вынуждена взять новый кредит под новое строительство. И так далее. Таким образом, выстраивалась финансовая пирамида. А непременным свойством любой финансовой пирамиды является то, что, рано или поздно, каждая из них обрушивается.

– **Это значит, что проблемы в строительстве связаны не с кризисом?**

– Да нет, и с кризисом тоже. Но не только с ним. Кризис, конечно, ускорил обвал финансовых пирамид. Это – во-первых. Во-вторых, коммерческие банки, которые однажды обожглись, выдавая кредиты строительным компаниям, теперь уже вряд ли повторят эту ошибку. Собственно, у них и нет такой возможности, поскольку в условиях мирового экономического кризиса сами они не могут получать дешевые кредиты на международных финансовых рынках. Сегодня и строительные компании, и люди, вложившие средства в строящееся жилье, находятся в подвешенном состоянии. Впрочем, государственную поддержку строительства я не считаю лучшим выходом из положения. Этой отрасли следует самостоятельно искать пути решения проблемы.

– **Видимо, приобрести что-то в кредит в магазине мы тоже сможем не скоро.**

– Я думаю, что времена, когда к вошедшему в магазин человеку тут же подходил сотрудник банка-партнера и предлагал купить все, что угодно, от мобильного телефона до холодильника, компьютера и т.д., в кредит остались в прошлом. Я, к слову, и не считаю, что подобная стратегия работы банков была правильной.

– **Почему?**

– Потому что в кредит приобретали исключительно, импортные товары. А значит, все работало на иностранного производителя, а не на национальную экономику, которая от всего этого не получала никаких стимулов развития.

– А разве развитию банковского сектора это не способствовало?

– Банковский сектор в отрыве от остальной экономики мало, что значит. Он и существует-то для того, чтобы удобнее было развивать реальный сектор экономики, чтобы это происходило быстрее, эффективнее.

– Существуют разные мнения по поводу недавнего пересмотра государственного бюджета. Что, собственно, случилось? И как Вы к этому относитесь?

– Если говорить на общедоступном языке, произошло вот что. Государство взяло у коммерческих банков кредит в размере 260 миллионов долларов под казначейские обязательства. Это вызвало необходимость пересмотреть бюджет, объем которого, с учетом названной суммы, естественно, вырос. Я считаю, что со стороны правительства, принявшего такое решение, была допущена ошибка.

– А почему был взят этот кредит. У государства нет денег?

– Да нет. Во власти говорят, что деньги есть. Это преподносится как мера, направленная на поддержку банковского сектора. Банки, естественно, охотно начинают играть в такую игру, поскольку им в этом случае гарантировано возвращение кредита. Но ресурсы коммерческих банков должны направляться на развитие реального сектора экономики, а не на обслуживание бюджета. Тут же происходит ровно наоборот. Понятно, что в сегодняшних условиях найти надежных, заслуживающих доверие кредиторов банкам не так-то легко. А кто сказал, что экономика и финансы – вообще легкое дело? Пусть ищут.

– Вернемся к протестному движению. У Вас не складывается впечатления, что оно со временем несколько поостыло?

– Интенсивность протеста не может быть постоянно максимальной. Она то возрастает, то, наоборот, снижается. Важно, что в обществе сохранился протестный настрой, поскольку ровным счетом ничего к лучшему не изменилось. Поэтому, если оппозиция решит снова вывести людей на улицу, скажем, к годовщине начала августовской войны, я думаю, что ей удастся это сделать.

– А вы считаете, что сама оппозиция не допускает ошибок?

– Я – независимый эксперт, не состою ни в одной из партий, и поэтому, несмотря на то, что у меня, конечно же, есть предпочтения, я не склонен идеализировать ни одну из политических сил. Конечно, ошибки со стороны оппозиции были. Я, например, считаю большой ошибкой ее попытку привлечь к политическим процессам главу Грузинской православной церкви, которая имела место 26 мая. Духовный лидер, по-моему, должен быть вне политики. Можно назвать и другие ошибки. Тем не менее, протестный дух среди существенной части граждан сохраняется из-за крайне низкого уровня доверия к власти.

– Недавно один очень высокий чин в правительстве страны заявил, что оказываемая Грузии международная помощь уже осенью текущего года положительно скажется на жизни каждой нашей семьи. Вы считаете, что население будет продолжать поддерживать оппозицию, если реально станет жить лучше?

– На это я могу ответить только одно: ждать до осени осталось не очень долго. А осенью мы можем встретиться еще раз и обсудить положение дел. Сегодня я не вижу оснований для столь оптимистичных прогнозов.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ